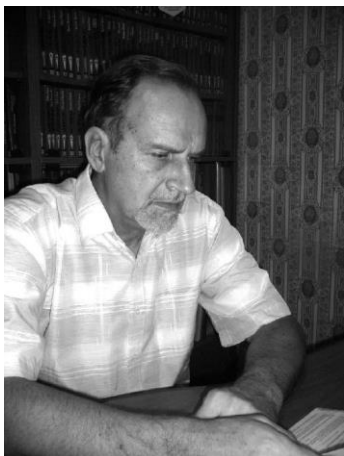

РУССКИЙ СЕВЕР И ПАЛЕСТИНА

К.Е. Балдин

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Северные паломники в Святой Земле: из истории путешествий русского духовенства в Палестину в начале XX века

В статье анализируются мемуары двух представителей русского духовенства из Архангельской губернии. Эти воспоминания посвящены их паломничеству в Святую Землю в начале XX в. В статье рассматривается восприятие паломниками святынь вселенского христианства, которые они посетили в Палестине, отношение авторов к греческой и католической церкви, а также к местному арабскому и турецкому населению. Автор проводит сравнительный анализ двух источников личного происхождения, которые оставили после себя паломники с русского Севера.

Ключевые слова: Палестина, православие, православное паломничество, православное духовенство, католичество, лютеранство, Османская империя.

Одним из самых древних жанров отечественной литературы являются «хождения», т.е. путевые записки, при этом нужно учесть, что значительная часть путешественников из Руси с давнего времени направлялась в Палестину для поклонения важнейшим христианским святыням. Самым первым из известных ученых произведением в этом жанре является «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», относящееся к началу XII столетия. В дальнейшем традиция осмысления своих путешествий в Палестину была продолжена русскими богомольцами, которые путешествовали туда в Средние века. В XVIII в. паломников и соответственно описаний их путешествий стало больше, а в XIX и начале XX в., когда в Святую землю стали ездить ежегодно сначала сотни, а потом тысячи паломников, такого рода произведения перестали быть каким-то редким исключением в литературном пространстве.

Конечно большинство паломников, отплывавших из Одессы на пароходах в

Яффу, составляли совсем неграмотные или полуграмотные крестьяне и мещане. Рефлексией они не страдали, поэтому ограничивались тем, что делились со своими друзьями и знакомыми устными воспоминаниями. Большинство мемуаров позапрошлого и начала прошлого века принадлежат перу духовенства. Причем среди авторов их встречаются как представители ученого духовенства, имевшие за плечами серьезную академическую подготовку, так и простые сельские батюшки, диаконы и даже псаломщики, образование которых ограничивалось духовной семинарией или даже духовным училищем.

Большинство паломнических текстов не увидели свет в виде отдельных книг, у их авторов просто не было средств для того, чтобы напечатать их. Однако этим путешественникам охотно предоставляли свои страницы провинциальные духовные официозы, которые в дореволюционной России насчитывались десятками, это были «Епархиальные ведомости». Некоторые записки

были довольно скудными по содержанию и кратко излагали буквально в одном номере «Ведомостей» полученные впечатления. Другие богомольцы подробно, не опуская мелочей, рассказывали о своем посещении вселенских христианских святынь. Среди авторов паломнических записок начала XX в. значительный интерес представляют воспоминания двух паломников из Архангельской епархии, анализу этих текстов посвящена данная публикация.

Одним из них являлся игумен Никандр (в миру - Чуватин Николай Андреевич). Он родился в 1839 году в городе Слободской Вятской губернии в купеческой семье. Образование получил в начальном училище и в восемнадцатилетнем возрасте был принят послушником в Соловецкий монастырь [3]. Монашеский постриг он принял там же в 1872 г., через 4 года он был рукоположен в иеромонаха и затем назначен ризничим в той же обители. В 1886 году ему дали ответственное и сложное поручение – возродить Печенгский монастырь. Благодаря о. Никандру эта обитель в очень короткое время стала важным духовным центром Кольского полуострова.

Учитывая административные способности о. Никандра, духовное начальство отправило его с крайнего севера на юг, где он был поставлен настоятелем Георгиевского монастыря в Балаклаве (Крым). Здесь он с большим размахом сумел организовать в 1891 г. празднование тысячелетия этой обители, которое на самом деле являлось вымышленным юбилеем. Однако под эту круглую дату удалось собрать довольно крупные пожертвования и провести в монастыре значительные строительные работы. Георгиевский монастырь стал хорошо известен всей России после того, как его посетила в 1898 г. императорская чета – Николай II и Александра Федоровна [4].

В 1899 г. игумен Никандр оставил настоятельскую должность и удалился в Соловецкий монастырь, откуда в 1906 - 1907 гг. «ходил» в Святую землю. В 1909 г. он скончался в возрасте 70 лет и погребен на кладбище Соловецкого монастыря [2]. Его паломнические записки увидели свет в «Архангельских епархиальных ведомостях» уже посмертно.

Относительно священника Г. Корельского сведений очень мало, нам даже неизвестно его имя. Зато можно с большей или меньшей долей уверенности предположить, что он служил в Маслозерском приходе Кемского уезда. Последний находился в глухой и малонаселенной местности к юго-западу от уездного городка Кемь [5]. Паломнические записки Г. Корельского были не единственной публикацией этого иерея на страницах местного духовного официоза. В 1912 г., немного ранее своих мемуаров, Г. Корельский напечатал в неофициальной части «Архангельских епархиальных ведомостей» небольшую статью с описанием Никольской приписной церкви, расположенной на острове в озере под названием Муезеро (Карелия) [1, 1912, № 13 - 14, с. 385 - 390].

Поездки на православный Восток игумен Никандр и о. Г. Корельский совершили практически одновременно. Первый из них выехал туда в мае 1906 г., а второй - в июне того же года. Но первый вернулся домой уже в августе, а игумен отсутствовал более года и возвратился только в июле 1907 г. Понять поспешность Корельского можно, он был приходским священником, и без него некому было служить в храме и окормлять паству. Что касается игумена, то у него в Соловецком монастыре не было каких-то особых обязанностей. Поэтому он отпросился у настоятеля и епархиального владыки в паломничество на год, но реально пробыл в отлучке еще больше времени.

Г. Корельский сумел за короткое время посетить практически все главные святыни Палестины, но за пределы ее не отлучался. Игумен Никандр за 13 месяцев отлучки прожил довольно много времени в монашеских обителях Афона, затем направился в Палестину, на некоторое время покинул ее для того, чтобы посетить Египет и Синай с их христианскими святынями, а затем снова вернулся в Палестину для того, чтобы съездить в еще не осмотренные им святыне места. Более того – игумен на пути в Палестину не преминул поклониться различным святыням в Вологде, Ярославле, Ростове Великом, Москве, Севастополе. Обратный его путь по территории России был еще более продолжительным, по дороге на

север он посетил обители Крыма, Киев, Полтаву, Чернигов, Новый Афон, Поволжье, Саров, Нижний Новгород.

Мемуары Г. Корельского называются «Воспоминания о путешествии по Святой земле» и были опубликованы спустя шесть лет после поездки, в 1912 году в «Архангельских епархиальных ведомостях» в № 18, объем их невелик – немногим более 10 страниц. Воспоминания игумена Никандра носят более длинное и затейливое название: «Из заметок о путешествии на Ближний Восток игумена Никандра, состоявшего в братстве Соловецкого монастыря». Они опубликованы в том же повременном издании в 1913 году в семи подряд номерах, с № 13-14 (сдвоенный) по № 20. Объем их составляет несколько десятков страниц печатного текста.

Хотя паломники направлялись на Восток для посещения святых мест, но первое, с чем они сталкивались во время морского путешествия из Одессы в Восточное Средиземноморье, это была совершенно непривычная для них природа. Особенно это различие было зримо для жителей севера европейской части России.

В начале путешествия впервое в своей жизни попадали в большой восточный город – Константинополь, который многие еще называли по старой памяти так, как он именовался во времена Киевской Руси – Царьград. «Ездили по высотам Царьграда, видели роскошные дворцы посланников европейских и американского, иные богатые здания, магазины и пр.» – пишет в своих воспоминаниях игумен Никандр. Строки, посвященные турецкой столице, как правило, передают восхищение большинства паломников от красот природы, смешанное с отвращением от антисанитарии, царившей на улицах Константинополя [1, 1913, № 13 – 14, с. 379].

Еще больше впечатлений, не имевших прямого отношения к религии, оставалось у паломников от посещения Афона. Авторы рассматриваемых нами путевых записок приехали сюда с севера Европейской России, где ландшафт равнинный и всхолмления, а тем более горы, встречаются нечасто. Одним из традиционных маршрутов паломников на Святой Горе является подъ-

ем на главный пик, который собственно и называется Афоном в узком смысле этого слова. Игумен Никандр записал в своих мемуарах о восхождении: «...долго любовались на окрестности. Монастыри, скиты и кельи, окруженные садами да лесами, виднелись внизу, как белые пятна на зеленом поле» [1, 1913, № 15, с. 427].

Совершенно необычные впечатления ждали того же паломника и его спутников и на Синайском полуострове. Они также были связаны с горным рельефом этого полуострова. «Природой не налюбуешься! – пишет игумен Никандр. – Путь все время идет между гор. Черные, желтые и красные, они отливают свинцовым блеском, точно обожженные. Безоблачное голубое небо днем, яркие звезды ночью. Такой красоты в наших широтах нигде не увидеть!» [1, 1913, № 18, с. 511].

Горные пейзажи произвели неизгладимое впечатление и на другого северного паломника – священника Г. Корельского. Поднявшись на священную гору Фавор, он увидел воочию те священные места, которые он знал со времени учебы в духовном училище, но только по книгам: «Величественный вид с вершины горы открывается взору каждого на места, знакомые со школьной скамьи: видны снежные горы Ливана, Галилейское озеро, река Иордан и соседний Ермон, Назарет, Кармил и долина Ездрилонская. Не знаешь, на чем остановиться взор, каждая картина приковывает особо и, кажется, смотрел бы на все это без конца» [1, 1912, № 18. С. 525].

Но иногда паломники сталкивались с такими природными явлениями, которые их явно не радовали и которые были не характерны для их северных мест, далеких от Святой Земли. В частности, это были землетрясения. Игумен Никандр с глубокой печалью обозревал то, что осталось от Иверского монастыря на Афоне после разрушительного землетрясения: «Собор, жилые корпуса и почти все хозяйственные постройки – в развалинах, хотя понемногу и начинают восстанавливаться» [1, 1913, № 15, с. 426]. Между строк в записках о. Никандра читается, что он, несмотря на описываемые им изумительные красоты природы, не горел желанием жить в сейсмоопасном районе или

же считал эту угрозу своего рода компенсацией за право обитания в святых местах.

Большое впечатление на всех паломников обычно производила поездка на Тивериадское озеро, где Иисус нашел своих первых последователей – апостолов. Хотя это было озеро, но паломники почтительно именовали его морем. Игумен Никандр несколько раз купался в нем со своими спутниками, а затем ездил к расположенным на его берегах горячим ключам, которые были насыщены солями и серой и на которых были устроены ванны для приезжавших сюда больных [1, 1913, № 17, с. 483].

Большинство совершивших путешествие в Восточное Средиземноморье с большей или меньшей долей эмоциональности свидетельствовали в своих записках, что их главным отрицательным впечатлением здесь являлась совершенно непривычная, особенно для жителей северных краев, изнурительная жара. Разумеется, это не касалось тех, кто отправлялся в Палестину в зимний сезон, когда в этих местах прохладно.

Жара была главной причиной того, что путешествия паломников из Иерусалима в другие святые места – Вифлеем, Назарет, Иерихон и др. начинались даже не рано утром, а глубокой ночью. Священник Г. Карельский говорит, что в путь в город Наблус они выступили в полночь и подвигались вперед максимально скорым шагом, чтобы при ночной прохладе пройти как можно дальше. С восходом солнца и наступлением жары паломнический караван останавливался для дневки. Дополнительные трудности для паломников, особенно пожилым, создавал гористый характер местности в Палестине. Поднимаясь с горы на гору, путники быстро утомлялись [1, 1912, № 18, с. 519, 521].

Тот же автор рассказывает в своих мемуарах о том, что во время путешествия их постоянно мучила жажда, несмотря на большое количество выпиваемой воды. Одна из паломниц от жажды на пути от Каны Галилейской до Тивериадского озера не смогла идти дальше. Воды ни у кого при этом не оказалось, кроме автора, который поделился с женщиной живительной влагой. При этом автору пришла на память

очень порадовавшая его параллель с событиями священного писания: «Вспомнилось тут, как Христос Спаситель ценил чашу студеной воды, данную жаждущему путнику. Женщина столь благодарными глазами на меня смотрела за поданную кружку воды, что для меня это была самая великая награда» [1, 1912, № 18, с. 523].

Внимание русских путешественников обращал внимание в весенний и осенний сезоны резительный контраст между дневными и ночными температурами в этом регионе. Игумен Никандр отмечал, что «только человек здоровый и непрехотливый может предпринять путешествие на Синай». Мемуарист указывал, что днем им приходилось идти по раскаленному песку восемь дней, которые своим чередом сменялись на «восемь холодных ночей на голой земле под открытым небом» [1, 1913, № 18, с. 511].

Богатая природа юга в глазах северных паломников резко контрастировала с привычной для них суровой северной флорой. Авторы видели, как на деревьях росли фрукты, которые они вообще не видели на монастырском столе и пробовали всего несколько раз в жизни. На Афоне при каждом монастыре или ските имелся ухоженный фруктовый сад с абрикосами, персиками, виноградом, лимонами. Эти плоды можно было не покупать, а просто рвать с веток и тут же есть. На Афоне их поражали также высокие и красивые кипарисы и кедры [1, 1913, № 15, с. 426; № 16, с. 455 - 456].

Главной целью паломничества было удовлетворение религиозного чувства и только во вторую очередь – удовлетворение мирского любопытства. В Святую Землю, на Афон тысячи россиян ехали за сильными религиозными впечатлениями и действительно получали их, посещая святыни вселенского христианства.

Впечатления такого рода ждали паломников уже по дороге на Ближний Восток, причем на первой же остановке на пути из Одессы в Яффу. Эта остановка делалась на два-три дня в Константинополе. Помимо некоторых других христианских достопримечательностей этого города, русские паломники обязательно посещали мечеть Айя-София. Характерная черта восприятия ее практически всеми путеше-

ственникам из России состояла в том, что они позиционировали ее не как мусульманский молитвенный дом, а как бывшую главную святыню восточного христианства, временно находящуюся у иноверных. Характерна в этом отношении фраза, которую обронил игумен Никандр, осматривавший Софийский собор: «Когда-то судит Бог христианам вернуть эту святыню!» [1, 1913, № 13 – 14, с. 378]. В этих словах печальная вопросительная интонация смешана с надеждой, что когда-нибудь мечта исполнится.

Религиозная приверженность ценностям восточного христианства сопровождалась патриотическими по своему характеру поездками в пригород турецкой столицы Сан-Стефано, где в начале 1878 г. был не только подписан мир по итогам победоносной русско-турецкой войны 1877-78 гг., но и находились могилы русских воинов, павших смертью храбрых в ходе этого вооруженного конфликта [1, 1913, № 13 – 14, с. 379].

Некоторые паломники, которые имели необходимые для длительного путешествия материальные средства, сочетали поездку в Святую Землю с паломничеством на Афон. Святую Гору они посещали до Палестины или после нее – в зависимости от обстоятельств. На Афоне среди других традиционных мест паломничества фигурировали три русских обители – монастырь св. Пантелеймона, два скита, которые фактически представляли собой немалые по размерам монастыри, а также столица Афона – лавра св. Афанасия. Большинство паломников, которые позволяло здоровье, поднимались на вершину святой горы. Игумену Никандру достигнуть самой вершины так и не удалось по независящим от него обстоятельствам, т.к. в день их восхождения поднялся очень сильный ветер, грозивший сбросить путников в пропасть. Паломников привлекал на этот пик не в последнюю очередь захватывающий вид, открывавшийся с вершины на полуостров, на Эгейское море и Архипелаг, т.е. острова этого моря [1, 1913, № 15, с. 427].

По пути с Афона или из Константинополя в Палестину суда с российскими паломниками делали стоянки в различных портах: Салоники, Смирна, Бейрут, Трипо-

ли. В Солуни (Салониках) русские богомольцы направлялись в церковь Дмитрия Солунского, одного из самых почитаемых святых, как в Греции, так и в России. Они с сожалением наблюдали, что этот храм, как и София в Константинополе, был превращен турками в мечеть. В Триполи игумен Никандр и другие богомольцы воспользовались тем, что на судне несколько часов шли погрузочно-разгрузочные работы, и посетили в этом городе Георгиевский собор и еще два храма, но самое главное – источник, возле которого св. Георгий поразил дракона [1, 1913, № 16, с. 458].

В начале XX в. богомольцы попадали в Иерусалим по железной дороге, которая была проложена от порта Яффы до Святого Града. Те, кто в предыдущие годы добирался до Иерусалима по грунтовой дороге, свидетельствовали, что первое явление этого города перед глазами паломников издали и в виде панорамы производило не в пример большее впечатление, чем прибытие на заурядный железнодорожный вокзал, откуда город с его святынями и архитектурными памятникам не виден. Несмотря на это, сам факт достижения конечной точки путешествия наполнял сердца русских богомольцев радостью, порождал молитвенное настроение. Г. Корельский пишет о своих первых шагах по земле Иерусалима: «Сильный духовный подъем ощущался, когда поезд Яффской железной дороги мчал нас к св. городу, к которому мы подошли на солнечном закате. Вот он, вожделенный св. град Иерусалим! Как радостно забилося сердце, что мы, наконец, у желанной цели» [1, 1912, № 18, с. 517]. Сравнивая стиль изложения двух российских богомольцев в севера, можно констатировать, что Г. Корельский, хотя и не везде, более склонен давать волю охватывавшим его чувствам, что и отражалось в его повествовании. Игумен Никандр, будучи умудрен годами, опытом иноческой и настоятельской службы, более сдержан. Он описывал скорее не свои чувства, а священные достопримечательности, которые видел вокруг себя.

Главной христианской святыней для православных, католиков, протестантов, приверженцев армянской церкви и др. был и остается храм Гроба Господня в Иерусали-

ме, в который большинство паломников направлялось в первый же день пребывания в Святом Граде. Их влекли сюда такие святыни как Голгофа - место распятия И. Христа, камень, на котором тело погибшего Христа было помазано миром и другие места, связанные с последними часами земной жизни и смерти Спасителя. Г. Корельский писал о чувствах, охвативших его в этом храме: «Какое восторженное и радостное, и в то же время трепетное чувство заполняло сердце, когда своими недостойными устами я лобызал погребальное ложе Богочеловека...» Многие паломники специально оставались в этом храме на ночь для того, чтобы потом принять участие в ранней заутрене. Описание этих часов у святыни вселенского христианства также окрашено у Г. Корельского глубокими эмоциями: «Время проводят в чтении акафистов у Гроба Господня или на Голгофе, а иные в тихой, сосредоточенной, слезно-сокрушенной молитве. Слышатся рыдания, слышатся отдельные глубокие вздохи, то тут, то там богомольцы всем своим существом ушли в молитву, взирая сердечными очами на совершившееся здесь. Ночь проходит незаметно, и уже слышатся удары била, возвещающие о начале полночного богослужения» [1, 1912, № 18, с. 518].

Паломники обычно приезжали в Святую Землю не менее чем на две недели, чтобы посетить не только Иерусалим, но и другие места, связанные с земной жизнью Спасителя и Божией Матери. Практически все они направлялись в Вифлеем, являвшимся местом рождения Иисуса Христа. Особенно благодатным считалось участие в богослужении в храме Рождества Христова, т.е. на месте его появления на свет. Об этом событии в своей жизни не преминул сообщить игумен Никандр, подробно описавший также свое общение с вифлеемским духовенством и пребывание на православном подворье в этом городе [1, 1913, № 17, с. 481].

Самым дальним путешествием по Палестине являлась поездка в северную часть Святой Земли. Здесь главной, но не единственной целью был Назарет, в котором прошла большая часть земной жизни И. Христа. Далеко не всем паломникам хвата-

ло времени на то, чтобы добраться до этой отдаленной от Иерусалима области. Готовились к этому путешествию паломники весьма основательно, игумен Никандр со своими спутниками сделал запас продуктов на целую неделю. В этой части Палестины богомольцы постоянно сталкивались со священными местами, которые упоминались в Новом Завете. В частности Г. Корельский особо выделяет в своих путевых записках посещение поляны, где Христос насытил несколькими хлебами несколько тысяч человек. При виде развалин Вифсаиды и Капернаума ему же вспомнилось сбывшееся пророчество Христа, которое приводится в тексте мемуаров: «Горе тебе Вифсаида, и ты Капернауме, до небес возвысившийся, до ада низведешься». Посещали русские паломники также селение Магдалы – родину Марии Магдалины [1, 1913, № 17, с. 482; 1912, № 18, с. 522 - 523].

Особенно большое внимание путников привлекло Тивериадское озеро. Г. Корельский со спутниками наблюдали здесь процесс ловли рыбы. Они не преминули купить свежий улов, все это вызвало у них совершенно однозначные ассоциации с деятельностью апостолов, которые до обращения в учеников Христа были рыбаками на Тивериаде, а также с той рыбой, которой Спаситель насытил тысячи людей [1, 1912, № 18, с. 523].

Одной из неотъемлемых частей программы поездки на север Святой Земли было купание в Тивериадском озере, а также прогулка на лодке по его водам, которые считались священными. Не менее благодатным являлось купание в реке Иордан, особенно в том месте, где Иисус принял крещение от Иоанна Крестителя. Игумен Никандр был горд тем, что на берегу этой реки отслужил службу. Участники ее не только выкупались, но и набрали в бутылки иорданской воды, которую отвезли в Россию в качестве одного из священных сувениров [1, 1913, № 17, с. 483].

Ряд чисто палестинских сувениров паломники увезли из экскурсии к легендарному Мамврийскому дубу, также связанному с важным эпизодом священной истории. После того, как игумен Никандр закончил в походной церкви-палатке службу около ду-

ба, он и его спутники получили в качестве сувениров желуди, зеленые веточки и куски коры этого священо-исторического дерева [1, 1913, № 17, с. 481]. В этой связи вспоминается стихотворение М.Ю. Лермонтова «Ветка Палестины», которое было сочинено великим поэтом после того как он увидел ветку, привезенную из Святой Земли русским паломником А.Н. Муравьевым.

Важным местом паломничества являлась Вифания, в которой богомольцы обязательно посещали погребальную пещеру Лазаря, который на четвертый день после смерти был воскрешен Христом. В Иерихоне, где для остановки путешественников имелось русское подворье (гостиница), заведующий им показывал паломникам дерево, с которого мытарь Закхей смотрел на Иисуса Христа при входе его в этот город [1, 1913, № 17, с. 484].

Богомольцам также по неписанной традиции надо было посетить священные горы в Палестине. Если они располагали временем, то во время путешествия по северу Святой Земли они поднимались на Фавор. Особенно благодатным это восхождение считалось на праздник Преображения Господня, которое свершилось около двух тысячелетий назад на этой горе. Именно в это время проделал подъем на Фавор в составе группы русских богомольцев Г. Корельский [1, 1912, № 18, с. 524]. Большинство паломников поднималось на гору Елеон, которая находилась совсем близко от Иерусалима. Со временем еще одной традицией для них стал подъем на русскую колокольню, построенную на Елеоне. С этой высокой точки был виден Иерусалим, Вифания и даже Иордан с Мертвым морем [1, 1913, № 17, с. 480].

Большинство мемуаристов, которые писали о своих паломничествах на христианский Восток, составляли священнослужители. Поэтому они обращали особое внимание на то, что они считали своей профессиональной сферой, т.е. на устройство церквей, степень их благолепия, особенности богослужения. Они прекрасно знали, что на Ближнем Востоке действуют сестринские для РПЦ православные греческие церкви – Константинопольская, Иерусалимская, Антиохийская и Александрийская, относящие-

ся к восточной ветви христианства. Вместе с тем, глаза профессионалов сразу замечали особенности греческого обряда и другие различия, порой ускользавшие от внимания мирян.

Эти отличия фиксировались мемуаристами уже на первой стоянке парохода в Константинополе. В паломнических записках говорится, что поют в греческих храмах турецкой столицы хорошо, церкви полны молящимися, т.к. православных в этом городе много. В то же время, в мемуарах обращалось на то, что, в отличие от русских церквей, в греческих есть седалища или стасидии для отдыха молящихся. Здесь же с сожалением отмечалось, что из-за запрета турецких властей над храмами нет ни куполов, ни крестов, колокольни и колокола – небольшие по размерам, звонить в последние можно только очень негромко [1, 1913, № 13 - 14, с. 379].

Сознание необычности восточнохристианской церковной службы не только не покинуло паломников по прибытии на Афон, но даже усилилось, хотя там они посещали в основном не греческие, а русские обители - Пантелеймоновскую, Ильинскую, Андреевскую. Русские паломники-священники были хорошо знакомы с деталями монашеской жизни в России. Поэтому на них производило впечатление особенности иночества на Афоне, где кроме больших монастырей монахи жили в каливах (келиях) по одному-два человека и только на воскресные богослужения приходили в ближайший монастырь на богослужение и общую трапезу [1, 1913, № 16, с. 455].

Богослужение на Афоне также отличалось от российского, по мнению паломников, в лучшую сторону. Оно было более торжественным, истовым, продолжительным. Призывали на богослужение не только колокольным звоном: сначала афонцы колотили в деревянную доску, потом - в медное полукружие и, наконец, в колокола. Перед службой монахи по очереди кадили храм, а также индивидуально каждого стоящего в нем богомольца. Этот процесс продолжался значительно дольше, чем в России – около получаса. Евангелие в храме иереи читали лицом к молящимся, а не к алтарю. В церкви по полу были разбросаны ветви

лавра, наполнявшие воздух характерным благоуханием [1, 1913, № 13 – 14, с. 380 – 381; № 15, с. 422].

Необычным и где-то даже пугающим был способ захоронения умерших монахов. Через три года после упокоения кости умерших выкапывали, обмывали и складывали: черепа – отдельно, остальные части костяка – отдельно. При этом на черепе делали надпись – чья это «глава» и когда он скончался [1, 1913, № 13 – 14, с. 380].

Русские паломники воспринимали русские монастыри на Афоне как уголки своей родины в далеких краях. На богослужениях здесь поминали не только Константинопольского патриарха, в церковной юрисдикции которого находился Афон, но и российский императорский дом, Святейший Синод и епископат РПЦ. Русские путешественники участвовали в богослужении, в ходе которого провозглашалось многолетие в связи с днем рождения цесаревича Алексея [1, 1913, № 15, с. 423].

В Палестине русских паломников радовало то обстоятельство, что многие иереи и даже иерархи – по национальности греки, принадлежавшие к Иерусалимской церкви, владеют, правда – в разной степени, русским языком. Именно на своем родном языке игумен Никандр говорил в Иерусалиме с архиепископом Епифанием. Позже он участвовал в службе с еще одним архиереем – Мелетием, прозванным «Московским» потому, что он некоторое время жил в Москве [1, 1913, № 16, с. 459; № 17, с. 479].

Горячим желанием каждого русского священника, направлявшегося в Святую Землю, было участие в богослужениях в храмах Палестины. У каждого русского иерея было разрешение его епархиального владыки на такого рода служение. Но этого было недостаточно, т.к. требовалась также санкция иерусалимских духовных властей. Обычно такое разрешение давал кто-либо их архиереев или же сам патриарх. Игумен Никандр получил его после просмотра документов, привезенных им из России, от архиепископа Епифания. В соответствии с ним соловецкий инок уже на следующий день сподобился править службу на Голгофе в главной христианской святыне – храме Гроба Господня. В ходе ее Евангелие и

Апостол поочередно читались по-гречески и по-русски. Позже в том же храме он с удовольствием слушал пение как греческих, так и русских певчих, хор последних, по всей вероятности, состоял из паломников [1, 1913, № 16, с. 459 – 460; № 17, с. 479].

Мемуары, которые рассматриваются нами, относятся к тому отрезку истории Русской православной церкви, который называется синодальным периодом. В это время в России не было патриарха и с тем большим пиететом русские паломники относились к предстоятелям восточных христианских церквей, носивших такое звание. Русские путешественники считали для себя высокой честью видеть, общаться, а тем более – участвовать вместе с патриархом в службе в Святой Земле. Эти чувства ясно видны на страницах их мемуаров. Г. Корельский по этому поводу пишет: «Не один раз Господь удостоил меня за богослужением блаженнейшего патриарха участвовать в чтении Апостола... и как я радовался сему великому счастью» [1, 1912, № 18, с. 518]. Пиетет Корельского был многократно усилен тем обстоятельством, что он во время паломничества даже не носил сана и являлся простым псаломщиком, между которым и патриархом была дистанция огромного размера в церковной иерархии.

Обоим северным паломникам – игумену Никандру и отцу Г. Корельскому запомнилась торжественная встреча, которую устраивали русским паломникам в греческом монастыре, находившемся на вершине горы Фавор. Встреча сопровождалась крестным ходом и колокольным звоном, т.к. оба русских автора попали в это священное место в праздник Преображения [1, 1912, № 18, с. 524; 1913, № 17, с. 482].

В тот период в Палестине уже существовала довольно разветвленная система социального сервиса для русских паломников. В Иерусалиме, Назарете, Вифлееме и др. местах они останавливались на русских подворьях. Однако когда паломники попадали в те населенные пункты, в которых таких гостиниц не было, они получали приют и пищу в довольно многочисленных в Палестине греческих монастырях. В частности, игумен Никандр останавливался у греков в Яффе, которая служила важным пунктом

на дороге паломников в Иерусалим, а также в широко известном горном монастыре Саввы Освященного. Жалоб на гостеприимство греческих единоверцев в тексте нами не обнаружено [1, 1913, № 18, с. 504; № 19, с. 537].

Определенное место на страницах рассматриваемых нами мемуаров занимают религиозные структуры и священнослужители инославных вероисповеданий, с которыми паломникам приходилось сталкиваться в Палестине. Действительно, в большей степени – католики, и в меньшей степени – протестанты занимали серьезные позиции в Святой Земле.

Зримые следы присутствия западного христианства были видны русским путешественникам буквально с первых шагов по земле Палестины. Как известно католикам на общих правах с армянами и православными принадлежал храм Гроба Господня и некоторые другие главные святыни вселенского христианства. Католические монастыри постоянно встречались паломникам на Крестном пути, т.е. на той дороге, по которой приговоренный к распятию Иисус шел на Голгофу, неся свой крест. В этой связи отметим, что сама концепция Крестного пути со «станциями» (местами, где происходили те или иные события, отраженные в Евангелии) на нем принадлежала католикам. Католические монастыри и просто участки земли, принадлежавшие монашеским орденам, были разбросаны по всей территории Палестины и не только по ней. Игумен Никандр и священник Корельский встретили их и на священной горе Фавор, и по дороге на Тивериадское озеро около Наблуса, и в Египте на том месте, где останавливалось святое семейство во время бегства из Вифлеема [1, 1912, с. 522, 524; 1913, № 16, с. 460; № 19, с. 534].

Для католиков была характерна активная миссионерская деятельность и продвижение своих ценностей, как среди местного населения, так и среди инославных паломников. Причем особенно активным и даже изошренным было воздействие на людей не на вербальном, а на эмоциональном уровне. Под большим впечатлением оказывались не только местные жители – арабские христиане, но и более искушенный

игумен Никандр из России. Когда он увидел у католиков скульптурную куклу младенца-Богоматери, то не смог удержаться от восклицания: «Лежит в зыбке спеленатая – как живая» [1, 1913, № 19, с. 540].

Большинство паломников замечали, что влияние католиков, а также протестантов в Святой Земле постепенно усиливается и это создает угрозу позициям наших единоверцев – православной греческой церкви. Игумен Никандр особо упомянул о том, что неподалеку от священного места – Сионской горницы на земле, подаренной турецким султаном германскому императору Вильгельму II, в это время строился огромный по размерам собор [1, 1913, № 19, с. 540].

В целом у обоих мемуаристов в рассматриваемых нами путевых записках просматривается довольно толерантное отношение к иноверным, а тем более – инославным исповеданиям. Отец Никандр упоминает в Гефсиманском саду у католиков сделанный на многих языках текст молитвы Господней («Отче наш») [1, 1913, № 17, с. 479]. Однако при этом он опускает такую деталь как ошибки в ее церковнославянском варианте. Другие русские паломники в своих записках не упускали случая упомянуть об этой неприятной для своих соотечественников детали, хотя мелкой, но запомнившейся.

Русские паломники в Палестине постоянно приходилось сталкиваться с местным населением и общаться с ним, хотя языковой барьер был достаточно высоким, с учетом того, что практически никто из путешественников не владел ни турецким, ни арабским языками. С большой долей вероятности можно предположить, что межнациональные контакты осуществлялись на греческом языке. Чаше всего русским приходилось приходиться в соприкосновение с православными арабами, которых на рубеже XIX и XX веков в Палестине было довольно много. Русские воспринимали их а priori как единоверцев и были настроены по отношению к ним дружелюбно.

Г. Корельский рассказывает о том, что он со спутниками во время путешествия из Иерусалима в северную часть Святой Земли оказался по дороге в Назарет в селекции Буркин. Там они заночевали у местного

православного священника-араба. Русских путешественников, прежде всего, поразил вид дома священника, который разительно отличался от просторных сельских домов на русском Севере. Мемуарист так описывает это весьма тесное жилище: «Стены выложены из белого камня, потолок, крытый сучьями сухих деревьев, пол из камня, покрытый циновками, свет проходит через дверь и одно окно в боковой стене, закрываемой ставней. В правом переднем углу на двух скамейках матрацы и подушки, сложенные во множестве; их полагают на пол почетным посетителям; в левом углу икона, и по стенам развешена одежда. Семья священника состояла из жены, дочери с зятем и двух сыновей».

Ужин, который был приготовлен для паломников, также совершенно не напоминал привычные для паломничавшего русского духовенства обильные церковные трапезы в России. На ужин была подана похлебка из чечевицы с крупой, смоквы, арбуз и дыня. Все это запивалось вином, разбавленным водой. Вместо черного хлеба им была предложена белая лепешка, которая при них же была испечена на сковороде в домашнем очаге. Г. Корельскому тут же пришли на ум ассоциации со священным писанием, где вдова из Сарепты угощала пророка Илью хлебом, который был испечен из последней оставшейся у нее горсти муки.

Однако этим наблюдением ассоциация и заканчивалась, потому что в отличие от сарептской вдовицы их хозяин после ужина подошел к ночлежникам с книгой, в которую начал записывать их живых и умерших родственников для поминовения за здравие и за упокой, при этом беря деньги за эти услуги. Это являлось плохо прикрытой платой за приют на ночь, о чем путешественники быстро догадались. Священник-араб дал каждому на память свою визитную карточку на трех языках (арабском, турецком и греческом). Наверняка мало у кого из российских сельских батюшек были свои карточки хотя бы на родном языке [1, 1912, № 18, с. 520].

После этого русские паломники были приглашены осмотреть приходскую церковь, в которой служил иерей, приютивший

их. То, что они увидели в «доме Божьем», повергло русских в шок. Г. Корельский восклицает: «Боже мой, что за церковь! Везде запущенность, неряшливость и грязь!» Сначала паломники прониклись глубоким сочувствием к такой вопиющей бедности, но потом услышали от более информированных людей о том, что местные православные иереи специально поддерживают церковь в столь удручающем виде для того, чтобы вызвать русских богомольцев на пожертвования. Эта версия подтвердилась тем, что при выходе из церкви священник снова стал собирать «доброхотные даяния» с паломников [1, 1912, № 18, с. 520 - 521].

Еще один близкий контакт с аборигенным арабским социумом ждал русских паломников накануне празднования Преображения Господня, который они отмечали к их радости, там, где произошло это священное событие - на горе Фавор. Богомольцы из России побывали на богослужении в греческом монастыре на вершине горы, будучи гостеприимно приняты настоятелем этой обители. На торжество явилось много местных жителей - арабов-христиан. Они привыкли отмечать этот праздник «ружейной пальбой и конским ристанием на горе, и играми, которые затягиваются даже за полночь». Однако это можно было делать только после окончания богослужения, во время которого арабы несколько раз подходили к настоятелю и просили разрешения на начало своих игр, получая отказ. Наконец, они не выдержали, и их крики и беготня совпали с пением Великого славословия под конец церковной службы. Затихло это веселье только к часу ночи. В мемуарах Г. Корельского явно сквозит осуждение такой нетерпеливости, которая нарушала благолепие двенадцатого праздника [1, 1912, № 18, с. 524].

Двойственное впечатление произвело на паломников торжественное богослужение непосредственно в день Преображения, в котором участвовали русские паломники, а также греки и арабы. Те, другие и третьи старались петь как можно громче, перебивая свои единоверцев, говоривших на другом языке. Арабам при их своеобразном гортанном языке удавалось заглушать всех. Наблюдения русского священника на этом

богослужении выглядели так: «И так зывали ко Господу о помиловании на трех языках, русские: «Господи, помилуй!», греки: «Кирие элейсон» и арабы «Яраб Ирхам». На всю жизнь осталась памятной эта разноязычная и разноголосая литургия» [1, 1912, № 18, с. 525].

Через несколько дней тому же о. Корельскому удалось наблюдать крестный ход с чудотворной иконой Успения Богоматери в Гефисманию, он происходил накануне праздника Успения Божией Матери. Несмотря на то, что торжество начался в три часа утра, улицы Иерусалима были полны народом. К удивлению русских паломников, в этом шествии активно участвовали не только православные, но и мусульмане – арабы с турками, и не только мужчины, но и женщины. Причем именно женщины-мусульманки в наибольшей степени, как оказалось, благоговели перед Божией Матерью «пророка Иисуса» (так они называли И. Христа) и в праздник Успения ее они даже ходили с открытыми лицами, подняв чадру. «Крестный ход в темноте ночи, при зажженных свечах, пении священных песнопений, бросании живых цветов и поливании розовой водой, представлял умиленную картину», - описывал Г. Корельский событие, на котором они присутствовали [1, 1912, № 18. С. 526].

Однако в межрелигиозных и межнациональных отношениях в Палестине было весьма много проблем. С одной из них столкнулся тот же Г. Корельский, когда он с партией паломников проходил через город Наблус, жители-мусульмане которого отличались особым фанатизмом и нетерпимостью к «неверным». Поэтому негостеприимный город русские паломники решили миновать ночью. На беду, они столкнулись с караульным, который начал требовать с паломников плату за проход. Спор этого сторожа с проводником паломников перерос в громогласную перебранку. Паломники, всерьез опасаясь за свою жизнь, очень быстро постарались выбраться из пугавшего их города [1, 1912, № 18, с. 519 - 520].

Этот спор между проводником и караульным возник из-за размеров так называемого «бакшиша», т.е. платы (а точнее, взятки), которая на Ближнем Востоке взи-

малась за все мыслимые и немыслимые услуги, которые порой были совершенно не нужны путешественникам. С всесильным бакшишем приходилось сталкиваться практически всем паломникам. Например, игумен Никандр осматривал пещеру Лазаря, воскрешенного Иисусом, за бакшиш, данный туркам, охранявшим эту священную для христиан достопримечательность. Позже они вынуждены заплатить аналогичную взятку за право посетить дом Иоанна Богослова, где происходила Тайная Вечеря [1, 1913, № 17, с. 480; 1913, № 19, с. 450].

У паломников складывалось такое впечатление, что всесильный бакшиш может открыть любые двери. Игумену Никандру удалось даже осмотреть одну из великих мусульманских святынь – мечеть Омара. Однако в Хевроне ему так и не суждено было попасть в здание, где по преданию покоились ветхозаветные Авраам, Исаак, Сарра и Ревекка. Осмотреть его можно было только снаружи, так как внутрь иноверцев пускали только по разрешению султана [1, 1913, № 17, с. 481].

Анализируя содержание паломнических мемуаров, нужно, прежде всего, учитывать, что авторы их являлись не туристами, а богомольцами. Главной целью их путешествий к святыням вселенского христианства на Ближнем Востоке было удовлетворение религиозного чувства, а не осмотр определенного набора достопримечательностей и не удовлетворение праздного (с точки зрения искренне верующего человека) любопытства. Именно поэтому их интересовали не красоты природы и не архитектурные памятники, не рекреационные возможности, а места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, Божией Матери, апостолов и христианских святых. Конечно, в тексте их воспоминаний встречались описания природных достопримечательностей, но из повествования довольно ясно видно, что последние воспринимались лишь как фон для святых мест.

В мемуарах содержится в той или иной мере подробное описание городов Иерусалима, Назарета, Вифлеема, других священных объектов, которые были встречены паломниками по время перемещения по Святой земле. В тексте сообщаются све-

дения о материальном состоянии храмов или же пещер, о степени их сохранности на тот период, когда авторы совершали свои путешествия, т.е. в начале XX века. Однако, как нам представляется, ценность рассматриваемых мемуаров состоит не только и не столько в этих данных, которые повторяются в разных источниках личного происхождения. Гораздо важнее для исследователя просматривавшееся в паломнических текстах отношение богомольцев к тому, что они видели. По мемуарам мы можем судить об интенсивности религиозного чувства, которое владело русскими путешественниками. Таким образом, воспоминания дают представление о степени религиозности и глубине веры путешественников. Правда, при этом нужно учитывать, что абсолютное большинство мемуаристов происходило из «профессиональной» и корпоративной среды российского духовенства.

Сравнивая содержание двух литературных произведений, почти синхронно появившихся в печати в начале прошлого века, следует отметить определенную разницу если не в отношении к действительности, то в рефлексии путешественников. Священник Г. Корельский более открыто и совершенно искренне выражает свои чувства при посещении святых мест. Это проявляется в эмоционально окрашенном стиле его изложения. Игумен Никандр более скуп в выражении религиозных эмоций. Для его воспоминаний характерна описательность, внимание к мелким деталям. Нужно учесть, что в разное время он являлся настоятелем в двух российских монастырях, следовательно, очень хорошо разбирался в литургике и досконально знал богослужебный канон. Поэтому он обращает внимание на различия, как значительные, так и мелкие, которые имелись в церковной практике РПЦ и на Афоне.

Сравнивая мемуары двух северных паломников с аналогичными текстами личного происхождения второй половины XIX и начала XX в., следует отметить исключительную терпимость рассматриваемых нами авторов к тем негативным явлениям, которые они наблюдали на Востоке. В их записках практически не встречается возмущения по поводу католической экспансии в Пале-

стине, они не выражали недовольства по поводу неоднозначной позиции греческих церквей в связи с укреплением влияния РПЦ в Святой земле. Даже отрицательные стороны турецкого владычества в Палестине почти не отразилось на страницах их воспоминаний. Лишь один или два раза Г. Корельский и игумен Никандр выражали недовольство повальным взяточничеством турок, которые брали бакшиш буквально за все, а также враждебным отношением некоторых местных жителей к русским богомольцам. В мемуарах других русских паломников эмоции по поводу всех перечисленных негативных явлений выражены порой совершенно недвусмысленно. Впрочем, возможно у двух представителей Архангельской епархии сказывался их «северный» характер, более сдержанный, чем в южных широтах обширной России...

Библиографический список:

1. Архангельские епархиальные ведомости.
2. История Соловецкого монастыря в начале XX века. URL: <http://solovkimonastyr.ru/abbey/history/XX> (дата обращения: 11.03.2016).
3. К 130-летию возрождения Печенгской обители в XIX веке. URL: <http://severeparh.ru/2015/04/12> (дата обращения: 11.03.2016).
4. Тур В.Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX в. URL: <http://krimoved-library.ru/books/pravoslavnyemonastyri> (дата обращения: 11.03.2016).
5. Шахнович М.М. Монументальные каменные кресты Карелии. URL: http://kir-jazh.spb.ru/biblio/sh_2.htm (дата обращения: 11.03.2016).

©Балдин К.Е., 2016